

Папанов А.И.

1985/X

«СЕВЕРНАЯ ПРАВДА»
1 г. Москва

15 ОКТ 1985

ЯРКОЕ ДАРОВАНИЕ АНАТОЛИЯ ПАПАНОВА

В октябре в Костроме состоялись выступления прославленных мастеров сцены: народного артиста СССР Анатолия Папанова, народного артиста РСФСР Андрея Миронова и заслуженной артистки республики Ларисы Голубкиной. В концертах-спектаклях также принимали участие актер кино Рудольф Фурманов и пианист-композитор Олег Анисимов.

Радушный прием оказали костромичи гостям. Наш внештатный корреспондент Е. САНОЧКИН встретился с Анатолием Дмитриевичем ПАПАНОВЫМ. Ниже публикуется интервью с ним.

— Анатолий Дмитриевич, если бы ваш жизненный путь не был связан с искусством, кем бы вы стали?

— На это очень трудно ответить. Мы не можем собой распоряжаться всегда до конца. Жизнь диктует какие-то свои жесткие условия. Возможно, я был бы военным, если бы не получил ранение на войне и не был комиссован. Возможно, я был бы инженером. До войны я работал немного токарем. А вот судьба распорядилась, чтобы я стал актером.

— Вы сами ходите на концерты, спектакли? На какие?

— Обязательно. На самые разнообразные. Вы знаете, в последнее время я соскучился по разговорному жанру. У нас очень мало концертов, где бы «разговорники» появлялись более часто, нежели сейчас. В основном на сцене ансамбли. Какие-то квартеты, квинтеты, секстеты. Так не хватает «разговорников». И поэтому я очень люблю посещать творческие вечера поэтов и артистов, читающих произведения поэтов или прозаиков. Очень люблю художественное слово. Почти все такие концерты, если у меня есть возможность, я посещаю.

Мои любимые чтецы — Журавлев, начал посещать его концерты, еще когда из госпиталя пришел; Яхонтова слушал, Аксенова Всеволода. Был на концертах Василия Ивановича Качалова.

Видел я на концертах в свое время Ольгу Леонардовну Книппер-Чехову, Москвину, Тарханова, Южина. Видите, какой у меня багаж...

— Созвездие...

— Да, созвездие удивительное. А возьмите певцов! Это Пирогов, Рейзен, Лемешев, Козловский. В наш век мы много прекрасного видели и слышали.

Сейчас, конечно, тоже есть замечательные, удивительные актеры. Но все же хотелось, чтобы концерты были более разнообразными. А то иногда скучаешь на них. Однообразно одолевает. С другой стороны, мне, как пожилому артисту, хотелось бы немножечко «успокоить» эстраду, телевидение. Не надо так много дергаться. Сцена есть сцена. Она придумана для того, чтобы высветить артиста. И чтобы со всех точек зрительного зала он был виден. Не надо ходить по зрительному залу. Ничего этого не дает.

Бесконечные блестящие, светомузыка. На нервы людям это очень плохо действует. От этого развивается гипертония. Когда все кружится, вертится, от этого я удовольствия почти не получаю. А бывает, что подвесят певца под купол цирка, и он должен почему-то петь. Тут надо кричать «Караул!», а не петь. Еще не хватало, чтобы и инструмент — туда, под купол...

Телодвижения — это другой жанр, балет. Все эти отягощения уводят нашу эстраду куда-то совершенно в другое русло.

— Вы считаете себя удачливым человеком?

— Видите ли, академик Амосов, которого я очень уважаю, говорит так примерно. Если двадцать процентов из поставленных вами задач будут удачно исполнены, а остальные 80 не удачно, то вы счастливый человек. Были у меня хорошие годы. Были очень тяжелые, в природе не бывает без черного... У человека, занимающегося творчеством, всегда бывают ошибки, заблуждения. Иногда он не понимает себя. И я порой не понимал себя, стремился играть то, что мне не было свойственно. И радости, конечно, были. Все это было! И это, наверное, и есть счастье. Я так думаю.

— Что вы цените в людях больше всего?

— Я уже неоднократно отвечал на этот вопрос. Совесть, совесть! Можно быть интеллектуально развитым, можно быть кем угодно, но если человек бессовестный, то уже для меня... будь он семи пядей во лбу... для меня этот человек не существует, я его не уважаю.

А может человек быть и необразованным, и не кандидатом наук, но самое прекрасное в этом человеке, что он способен покраснеть. А ведь как прекрасно, когда человек краснеет, ему стыдно. Вот это качество совести я очень ценю в людях. И, конечно же, ценю в людях человечность. Понимаете, я не люблю глухих, черствых людей. Они дальше своего носа не видят ничего. А вот когда человек может тебя понять, войти в твоё положение

— это ценнейшее качество людей.

Шукшин говорил о самом талантливом и редком чувстве — сострадании. Талант этот дается очень редко, но его надо культивировать.

— Ваше любимое блюдо?

— О-о-о! (Смеется). Я как-то к этому не приспособлен. Знаете, я вспоминаю... в каждое время у людей было свое любимое блюдо. Мое любимое блюдо было — пайка хлеба, которую я утром съедал заранее.

— И котелок каши?

— Каша — это уже был деликатес. В голодные 30-е годы я думал: неужели будет время, когда мы вдоволь будем наедаться хлеба? И вот, когда отменили карточную систему, мы купили хлеба, наелись. Такой пир был у нас, такая радость.

Бывает, пригласят — стол бедный, а людей вспоминаешь долго. Все зависит от человека. А бывает такое наставлено!.. А люди сухие, черствые, и еда у них невкусная. Люблю солдатскую кухню. Как налью, так налью. Когда я приезжаю к воинам с концертом и меня спрашивают: «Хотите солдатских щей, каши?» — я всегда отвечаю. «Хочу».

— Как вам понравился костромской зритель, наш город древний?

— На всех нас, на моих товарищей ваш город произвел великолепное впечатление, несмотря на то, что идет дождь. Очень. Я не ожидал, что Кострома такой красивой, такой уютной город.

— Вы у нас впервые?

— Да, первый раз. Мы, артисты, все сошлись на единой мысли: какой красивый город. Прекрасно, что костромичи берегут старые улочки, памятники старины, все своеобразие волжского города.

В заключение хочу пожелать успеха всем костромичам, счастья личного, общего, какого угодно, спортивных успехов, успехов в работе, в любви. Это так прекрасно!